

ПУШКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОЭЗИИ Б. АХМАДУЛИНОЙ

Значительное влияние на личность и творчество Б. Ахмадулиной оказал А. Пушкин. Для нее Пушкин — главный дар судьбы, с ним соотносит она свои поступки и действия. Даже с неизбежностью смерти она готова примириться, думая о встрече «там» с Пушкиным:

Еще спросить возможно: Пушкин, милый,
зачем непостижимость пустоты
ужасно воображать могилой?
Не лучше ль думать: это там, где ты ¹.

Для Б. Ахмадулиной «Пушкин — это уникальное совпадение гармонии чувства и ума»², т. е. то, к чему стремится каждый истинный поэт. Есть в ее отношении к Пушкину что-то очень личное, живое, страстное, хотя это в русской поэзии и не новость. Ахмадулиной удается довести ощущение присутствия Пушкина до осязаемой вездесущности, до олицетворения природы: «Октябрь наступил. Стало Пушкина больше вокруг» (II, 241). «Достаточно сосредоточить на нем душу, не утяжеленную злом, чтобы услышать спасительный шум его появления...» (I, 462). Он всегда и везде, все напоминает о нем: «Смуглей великого арапа // восходит ночь» (I, 172); «День хочет быть — день скоро будет — есть // солнцеморозный, все точь-в-точь: чудесный» (II, 262); «Этот контур пустой — облаченье змеи: // «выползина». (О, как Он расспрашивал Даля // о словечке!)» (II, 429).

Пушкин — желанный собеседник, добрый друг, надежный советчик: «Как, Пушкин, мне быть в октября девятнадцатый день?» (II, 242). Для Б. Ахмадулиной, постоянно перечитывающей творения великого поэта, включая его письма и отдельные суждения, Пушкин, употребляя термин Мережковского, — «вечный спутник», доверие к слову которого абсолютно.

Пушкин однажды написал: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата». В одном из интервью Ахмадулиной задали вопрос, согласна ли она с этим утверждением. Ахмадулина ответила: «Я с Пушкиным всегда согласна. Но поэт должен быть умен! Иначе и говорить не о чем»³. Отзвук пушкинских слов находим и в стихах Ахмадулиной: «Но, может, чем умней, тем бесполезней стих» (II, 320); «От мысли станет стих тягеле, // пусть остаётся глуповат» (II, 383).

«Как ему (Пушкину) нет надобности «искать вдохновения»... так ему нет надобности самому задумываться над «смыслом» своего творения («вот на! Цель поэзии — поэзия»). Он не ищет и не дает «миросозерцания»: он занят в поэзии простым миронаблюдением или простой исповедью своей духовной жизни...»⁴ Сравним с пушкинской позицией высказывания Б. Ахмадулиной: «Всегда мне скушен был выскиватель смысла, // и угодить ему я не могу...» (II, 283); «Пусть всяко понимает всяк // слогов и пауз двуединость...» (II, 436); «Прости, за то прости, читатель, // что я не смыслов поставщик...» (II, 445).

Явные или скрытые обращения к Пушкину, упоминания его имени, использование его лексики встречаются во многих стихах Ахмадулиной: «И век мой жесточе, и дар мой совсем никакой» (II, 242); «Оттуда я, где черт нас догадал // произрасти в умом, да и с талантом» (II, 395); «...всё правильно окрест, как в пушкинской тетради, // раз навсегда, впаод и только так, как есть!» (II, 233); «Как ты учил — так и темнеет зелень. // Как ты жалел — так и поют в избе» (II, 252).

В. Баевский в своей статье «Пушкин и Пастернак» указывает, что стихотворение Пастернака «Нас мало. Нас может быть трое» (1921), возможно, ориентировано на «Моцарта и Сальери» Пушкина: «Нас мало избранных, счастливых праздных, // Пренебрегающих презренной пользой, // Единого прекрасного жрецов»⁵.

И затем замечает, что мысль Пастернака опосредованно получила

развитие в «Ахиллесовом сердце» А. Вознесенского: «Нас мало. Нас может быть четверо...»⁶ Нужно добавить, что эта цепочка гораздо длиннее. У А. Ахматовой в цикле «Венок мертвым» есть стихотворение «Нас четверо» (1961), а у Б. Ахмадулиной в стихотворении «Подражание»: «...четверо, достойных удивленья, // гребцов... плыли на челне» (II, 149). Вот такой канал связи длиной в полтора столетия возник между поэтами.

Пушкин для Б. Ахмадулиной не только «дар судьбы», но и мера ответственности, в его постоянном присутствии нельзя жить бесплодно: «И Пушкина неотвратимый взгляд // ночь напролет мне припекает щеку» (I, 138). Пушкин «ласково глядит», когда ночные труды завершаются стихотворением; с лирической героиней в больнице оказывается томик Пушкина, с Пушкиным соотносит она свои поступки, свои труды: «Что б ты о нем (о дне — Т. А.) сказал, который все сказал?» (II, 273). Пушкин становится продолжением природы, «уходит» в нее, растворяется в ней: «Во всем ловлю таинственные знаки, // то след примечу, то слышу речь» (II, 252). Ощущение связи с великим предшественником проявляется и в созвучности эстетических и этических принципов и во множестве реминисценций и смысловых параллелей. Встречаются и прямые цитаты из Пушкина: «Друзья мои, прекрасен наш союз!» (II, 150).

Зима у Ахмадулиной — это часто «мороз и солнце» и «день чудесный» («Что это, что? — Спи, это жар во лбу», «Вослед 27 дню февраля», «Игры и шалости»). Окрашено влиянием Пушкина и восприятие поэтесой других пор года. Лучшее время для нее — осень. С увяданием природы расцветает в душе поэзия. «Моя любовь к осени исходит от Пушкина»⁷, — подтверждает Ахмадулина в одном из интервью.

Особое место в творчестве Ахмадулиной занимает луна, что также связано с Пушкиным и подтверждается текстуально: «О, знаю я, кто пристальней, чем все, // ее посеребрил двумя зрачками!» (II, 164). Луна навеки впитала в себя пушкинский взгляд; глядя на луну, лирическая героиня как бы общается с Пушкиным: «Вдруг улыбнусь и заново пойму, // чей в ней так яростно и сохранный гений. // Она всегда принадлежит ему — // имуществом двух маленьких имений» (II, 257).

По частотно-тематическому указателю М. Эпштейна «Основные пейзажные образы русской поэзии» луна — мотив наиболее часто встречающийся в поэзии Пушкина и Ахмадулиной.

Упоминание Пушкина, о Пушкине встречается чуть ли не в каждом стихотворении сборника Ахмадулиной «Тайна». Ему посвящены «Отрывок из маленькой поэмы о Пушкине», поэмы «Приключение в антикварном магазине» и «Дачный роман», проза «Вечное присутствие», «Чудная вечность», «Здесь он ходил», «Пушкин и Лермонтов», пушкинское название использовала Б. Ахмадулина для поэмы «Моя родословная».

В воспоминаниях Ахмадулиной о детстве, о первом знакомстве с поэзией мы сразу же встречаемся с Пушкиным. Возможно, художественный мир Пушкина приобрел для Ахмадулиной особенную значимость потому, что вошел в ее жизнь с раннего детства, оставив в душе глубокий след. «Взрослея, душа обращается к Пушкину, страстно следит за ним, берет его себе, и этот поиск соответствует поиску собственной зрелости» (I, 461). Расстояние между лирической героиней и ее любимым поэтом все сокращается, все уплотняется время, отделяющее ее от гениального собрата: «Но где же ты, что вот — твое дыханье? // В какой союз мы тайный сведены?» (II, 252). Пушкин не только постоянная любовь, великая и прекрасная духовная связь, но и мучительная тайна, недостижимый идеал: «Любоваться им нелегко: мучительна тайна его ничем не скованной личности» (I, 462).

Внутренняя тяга к пушкинской гармонии внутреннего мира человека и природы, сердца и разума проявляется у Б. Ахмадулиной не только в обращении к лирике и образу самого Пушкина, но и в лексике пушкинской поры. Критики не однажды обращали внимание на эту приметную особенность поэтического языка Ахмадулиной. В «Струне» это были еще

только поиски стиля, но тем не менее уже тогда Ахмадулина провозгласила: «Влечет меня старинный слог. // Есть обаяние в древней речи. // Она бывает наших слов // и современнее и резче» (I, 38).

Стремление обнажить в словах их первооснову, отказ от языковой нормативности, усредненности поэтической лексики направляет Ахмадулину к истокам русской речевой традиции. Поиски новой выразительности традиционных форм, призыв к восстановлению разрушенных представлений о благородстве, чести, человеческом достоинстве, возвышенная настроенность лирического «Я» привели Ахмадулину к созданию своеобразного поэтического языка. Архаическая лексика — неотъемлемый элемент ее стихов: «Бесхитростный прилив народа // к витринам — празднество сулил. // Уже Никитские ворота // разверсты были, снег валил» (II, 186).

Ахмадулина предпочитает словам *лоб, ребенок, глаза, губы, смотреть* слова *чело, дитя, очи, уста, взирать*. В ее поэтическом языке встречаются устаревшие формы слов: *парусы, плеча, крыла, дерева*, утраченные глагольные формы, например, *дошед*, исчезнувшие орфографические варианты слов: *скушно, смеялася*. Встречается много усеченных прилагательных, что тоже, возможно, является влиянием языка Пушкина, который считал, что усеченные прилагательные придают «много живости стихам»: «Каков? — Таков: как в Африке, курчав // и рус, как здесь, где вы и я, где север. // Когда влюблен — опасен, зол в речах. // Когда весна — хмур, нездоров, рассеян» (II, 177); «Это я — мой наряд фиолетов, // я надменна, юна и толста...» (II, 147).

Ахмадулина обильно насыщает собственный слог старинными словами и выражениями. Отжившие речевые обороты («коль хочешь возыметь», «крик радости в уста», «как он смел взглянуть прилежным взором благосклонным») удивительно органично вплетаются в мелодичный поток ее поэтической речи.

В стихах Ахмадулиной многие слова и выражения соответствуют поэтическому словарю Пушкина:

А. Пушкин

Б. Ахмадулина

Княжна в сетях; с ее чела
На землю шапка *упадает* (3, 56).
Врата *отверсты* в тьме ночной... (1, 47)
Вперял он любопытный взор... (5, 55)

Молитвенник иль веер *упадает*
из дрожи рук (II, 355).
Отверстая арка их ждет (II, 386).
...в ее *вперяюсь* письма... (II, 391)

Все эти вкрапления архаической для современного литературного языка лексики позволяют рассматривать их как своеобразные «следы» пушкинского влияния. Обычно архаическая лексика свободно и естественно вплетается в поэтическую ткань, независимо от темы, материала и времени, о котором идет речь. Но Ахмадулина и искусный мастер стилизации. Так, в поэмах «Ромео и Джульетта» и «Приключение в антикварном магазине» архаичность лексики обусловлена самим материалом. «Приключение в антикварном магазине» дает пример мастерского владения книжным слогом для создания лексико-синтаксического колорита. Но и в этом произведении книжная лексика уравнивается элементами современной речи, образности. Нужно заметить, что «стилистическая манера Ахмадулиной не является каким-то повторением пройденного, простым возвращением в прошлый век»⁸. Образный язык ее стихов — язык поэта нашего времени, со своеобразным сочетанием архаической и современной, книжной и разговорной лексики. «Ахмадулина употребляет не архаизмы вообще, не просто старую лексику, а обороты и выражения, если так можно выразиться, облагороженные литературной традицией, прежде всего гением Пушкина»⁹.

Привлекают Ахмадулину и пушкинские эпитеты: *ликующий, алчный, блаженный, скупой, сладостный, надменный*.

Многим Ахмадулина обязана Пушкину и тематически. «Поэзия дружеского чувства, составляя сквозной мотив ее лирики, восходит именно

к Пушкину»¹⁰: «Мне снился сон: я мучаюсь и мчусь, // лицейскою возвышенностью чувств» (II, 150).

Ахмадулина верна традиции дружбы как самому высокому и бескорыстному из проявлений человеческого естества: «Свирепей дружбы в мире нет любви» (I, 161). Пожалуй, никто из современных поэтов не писал столько о дружбе, как Ахмадулина. «Кажется, дружеская тема, развиваясь, распространилась и на территорию любовной лирики, и Ахмадулиной больше всего удавались стихи о любви, как душевном единомыслии, как общности судьбы»¹¹. Чаще всего она передает чувство любви не к конкретному человеку, а к людям вообще, к окружающему миру, друзьям, деревьям, зиме. Спасение от всех зол для нее — тесный союз друзей: «Сегодня, став взрослее и трезвей, // хочу обедать посреди друзей // — лишь их привет мне сладок и угоден» (II, 150). Снова и снова как главную свою мысль повторяет Ахмадулина: «Любовь к любимому есть нежность ко всем вблизи и вдалеке» (I, 173); «Как добр, кто любит, как огромен, как зряч к знаменью красоты!» (I, 174); «Я знаю истину простую: // любить — вот верный путь к тому, // чтоб человечество вплотную // приблизить к сердцу и уму» (I, 175). «Она в совершенстве изучила и науку сближения, и науку человеческого общения, и науку расставания»¹². Боязнь потерять друзей не оставляет ее: «По улице моей который год // звучат шаги — мои друзья уходят» (II, 29); «Я поняла: я быть одна боюсь...» (II, 150). Самое страшное — остаться в этом мире одной, без друзей и любви, без близких людей: «...не дай мне бог моих друзей оплакать! // Все остальное я переживу» (I, 162).

Полностью отдаться чувству, последовательно и упорно отстаивать право на любовь к друзьям не каждый сумеет: «А я люблю товарищей моих»; «Любовь моя — вот мой туманный довод. // Я не учена вашему уму» (I, 161). Позиция Ахмадулиной сполна выражена в строках: «Да будем мы к друзьям своим пристрастны! // Да будем думать, что они прекрасны!» (I, 75).

Великая нежность поэзии и сердечного участия распространяется и на любимых поэтов. Это стихи, обращенные к А. Пушкину и М. Лермонтову, М. Цветаевой, А. Блоку, Б. Пастернаку, О. Мандельштаму, А. Ахматовой.

Пушкин для Ахмадулиной и образец личности в чисто человеческом плане, и образец поэта в чисто поэтическом. Пушкин сообщает поэтессе импульс творческой энергии, не ограничивая ее движения в собственном направлении: постигая Пушкина, Ахмадулина постигает себя.

¹ Произведения Б. Ахмадулиной цитируются по сб.: Сны о Грузии. Тбилиси, 1978 (I); Избранное. М., 1988 (II).

² На цыпочках перед талантом: Интервью с Б. Ахмадулиной // Книжное обозрение. 1985. № 2. С. 8.

³ Там же.

⁴ Франк С. // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 441.

⁵ Пушкин А. Собр. соч. В 10 т. М., 1975. Т. 4. С. 287. Далее цитаты приводятся по этому изданию, с указанием в скобках тома и страницы.

⁶ Вознесенский А. Ахиллесово сердце. М., 1966. С. 41.

⁷ Явь моя — мой долг: Интервью с Б. Ахмадулиной // 24 часа. 1990. Вып. 1, март.

⁸ Михайлов А. // День поэзии. М., 1968. С. 224.

⁹ Мустафин Р. // Дружба народов. 1985. № 6. С. 245.

¹⁰ Ерофеев В. // Октябрь. 1987. № 5. С. 191.

¹¹ Там же.

¹² Чупринин С. Крупным планом. М., 1983. С. 179.

С. А. ЛЫСЕНКО

ВОСКРЕШЕННАЯ СУДЬБА

Микола Гурневич Кулиш (1892—1942) — «самый выдающийся из украинских драматургов двадцатых — начала тридцатых годов»¹. Активный участник революции и гражданской войны, он сумел сказать на род-